

Алина Киселева

Осколки памяти

Алина Киселева

Осколки памяти

<https://litres.ru/73900733>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лив, получив диплом экономиста, стояла на пороге перемен, но тосковала по прошлому. Её амбиции в карьере уносили её от привычного мира, оставляя позади прошлое. Новые знакомства и их судьбы заставили её сердце биться в такт двум разным мелодиям, предоставляя шанс перевернуть жизнь. Испытания судьбы, такие как провалы, предательство и утрата дорогих людей, оставили глубокие шрамы. Кто же стоял за закулисой этих коварных интриг? И кого из тех, кто поддерживал её, она выберет, сохранив в душе воспоминания о минувшем?

Содержание

Пролог	4
Глава 1 «Там, где замирает время»	6
Глава 2 «Случайная встреча.	11
Глава 3 «Между кофе и тишиной»	22
Глава 4 «Три месяца тишины»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алина Киселева

Осколки памяти

Пролог

Почти всю жизнь я пыталась стереть ту ночь из памяти. Но есть звуки, что впечатываются в душу навсегда. Луч фонаря, вырезающий снежную круговерть из мрака, пронзительный визг тормозов, глухое шуршание шин по льду — всё это обрело во мне звучание навязчивой мелодии, от которой не избавиться.

Мне было четырнадцать. Вечер начинался безмятежно: мама заваривала чай, а за окном крупными хлопьями, будто пух, валил снег. Телевизор тихо нашептывал прогноз погоды, а я, словно создавая крошечную вселенную, в прихожей лепила снеговика из ваты и пуговиц. Вдруг из кухни донёсся звон разбившейся чашки. Мама стояла у окна. Бледная, как исписанный лист. По стеклу струились полосы дождя, вырисовывая зловещие тени фар. — Он снова здесь, — выдохнула она, и в голосе промелькнул страх. Я не успела спросить, кто этот «Он». Она резко погасила свет, прижала меня к себе, и её шёпот коснулся моего уха: — Молчи. И даже не дыши громко. В коридоре хлопнула дверь, затем что-

то с грохотом упало — будто металлическое. Невероятная тишина. И вдруг — чёрный силуэт в окне напротив, застывший, как мишень. С этого момента всё погрузилось в туман: запах бензина, крик, хлопок, ослепляющий свет фар. Потом больница.

Белизна комнаты и суровый взгляд мужчины в форме. Его слова повисли в воздухе: — Тебе нужно всё забыть, девочка. Но память — упрямая старуха. Она прикидывается спящей, пока не явится вновь: в аромате лилии у твоей двери, на пожелтевшей фотографии, затерянной между страниц старого блокнота, или в голосе, прозвучавшем в телефоне, голосе, шепчущем: «Мы уже встречались.»

С тех пор я не перестаю задаваться вопросом: что же тогда видела мама из-за того окна? Почему на рассвете мы покинули дом, не попрощавшись ни с кем? Мне так и не объяснили, что произошло. И, возможно, именно поэтому я стала той, кто ищет ответы в каждом шорохе, в каждом призрачном отзвуке. Потому что прошлое не всегда нуждается в том, чтобы его возвращали. Иногда оно само находит тебя, когда ты меньше всего этого ждешь.

Глава 1 «Там, где замирает время»

Я родилась в Сент-Поле, живописном уголке Миннесоты, городе, который с детства казался мне оазисом спокойствия. Тихие улицы, словно убаюкивающие мантры, добродушные лица соседей, пьянящий аромат яблонь весной и хрусткий, как обещание чуда, снег под ногами зимой — всё это создавало атмосферу неспешного течения жизни, где время замедляло свой бег, позволяя наслаждаться каждым мгновением.

Сент-Пол стал моей колыбелью, тем местом, где я обрела истинных друзей — тех, кто разделял со мной детские игры, тайны, шептанные на ушко, и первые робкие мечты о будущем.

В детстве я часто наблюдала за родителями, за тем, как нежно они держали друг друга за руки, как их взгляды, полные тепла, встречались, а улыбки искрились непритворным счастьем. Эта картина семейной идиллии вызывала у подруг зависть: их собственные семьи, по их словам, не могли похвастаться такой сплочённостью и гармонией. Порой зависть омрачала дружбу, заставляя кого-то отдаляться, кого-то вообще перестать общаться. Но я, окружённая любовью, спокойствием и ощущением дома, где тебя всегда ждут, не придавала этому значения.

История любви моих родителей, казалось мне, была достойна пера романиста.

Отец, Итан Ларсон, потомок скандинавских викингов, родился и вырос в Сент-Поле. С юных лет его неудержимо влекло к открытиям, к познанию мира, к новым культурам. Его семья, к счастью, обладала достатком, что позволило отцу, став взрослым, воплотить свои мечты. К моменту встречи с мамой он уже побывал в двадцати шести странах — по крайней мере, так утверждала мама.

Моя мать, Лидия Чернова, была русской, родом из Санкт-Петербурга. Выросшая в скромной, но глубоко интеллигентной семье, она с детства была поглощена историей, ночами читая книги, и мечтала о научной карьере. Путешествия, казалось, были ей недоступны, но судьба распорядилась иначе. Ей было всего двадцать два, когда она встретила отца — встреча, ставшая поворотным моментом в её жизни.

Это случилось в залах Михайловского дворца, где мама помогала проводить экскурсию. Она рассказывала, что отец привлёк её внимание почти сразу: высокий, светловолосый, с той северной прямоотой во взгляде, которая гипнотизирует. Когда она попыталась уступить ему дорогу, мама случайно коснулась его плечом — мимолётное прикосновение, ставшее началом их истории.

То случайное столкновение переросло в разговор, разговор — в знакомство, а вскоре — в свидания и совместные прогулки. Казалось, целый мир открылся им двоим. Они пу-

тешествовали, смеялись, спорили, открывали новые страны и, что самое главное, самих себя.

Во время одной из поездок, в солнечную Валенсию, маме внезапно стало дурно. Отец, охваченный страхом, немедленно отвёз её в больницу. А через несколько дней произошло настоящее чудо: мама узнала, что ждёт ребёнка.

В тот момент они решили, что пора остепениться. После месяцев странствий — тридцати девяти стран, тысяч фотографий и бесчисленных воспоминаний — они вернулись домой, в Сент-Пол, где их ждала новая глава жизни. Там, среди зимних сугробов и семейного уюта, на свет появилась я — Лив Ларсон.

Долгое время наша семья казалась мне идеальной. Но когда мне исполнилось четырнадцать, всё изменилось. Между родителями будто выросла невидимая стена. Крик и скандалы стали привычным фоном, двери хлопали всё чаще. Деньги иссякали, отец становился раздражительным и замкнутым. Мы стали часто переезжать, будто пытаюсь убежать от чего-то, сами не зная от чего.

Из обрывков родительских ссор я стала понимать: отец влез в долги перед кем-то опасным, криминальным, и сумма была огромной. Но мама всё ещё верила, что сможет его спасти, поддержать, как раньше. Пока не наступил тот роковой день.

Тем вечером в дом ворвались какие-то люди. Они избili отца прямо на наших глазах, забрали часть техники и назна-

чили срок для выплаты долга. Тогда, казалось, мама впервые осознала, что дно уже близко. Она позвонила своим родителям в Россию, рассказала всё, как есть. Бабушка с дедушкой, собрав последние сбережения, прислали часть нужной суммы. Эти деньги должны были стать нашим спасением. Но отец... обманул.

Вместо того чтобы погасить долг, он решил «отыграться», рассчитывая быстро и легко выиграть крупную сумму. Но он проиграл, окончательно разрушив всё, что ещё оставалось. После этого мама долго молчала, словно что-то внутри неё треснуло. А потом просто сказала: она подаёт на развод.

Первым нашим пристанищем стал Беруэлл, штат Небраска. Место оказалось тихим, спокойным, почти безмолвным. Мне там нравилось: воздух пах травой и дождём, люди приветливо кивали при встрече. Но счастье было недолгим. В один из таких безмятежных дней, когда мы с мамой гуляли в парке, за нами начал следить какой-то мужчина, и он преследовал нас до самого дома. Я очнулась в больнице, судорожно ища взглядом маму. Она сидела на стуле рядом с моей кроватью, держа меня за руку. Врачи пытались уложить её, ведь ей был необходим покой из-за травм — рассечения головы и перелома руки. Но она не отходила от меня, так сильно переживала. У меня же оказалось лишь лёгкое сотрясение мозга да пара синяков от падения. После всего случившегося мама не могла выйти на работу, и ей пришлось принять тяжёлое решение — вернуться в Россию.

Сейчас я её понимаю: усталость, раны, что заживали месяцами, страх перед будущим, подросток на руках, постоянно бунтующий и недовольный... Но тогда, в четырнадцать лет, я не хотела ничего слышать. Мне казалось, что мир рушится, что всё хорошее безвозвратно уходит. Я злилась на отца, на обстоятельства — на всех, не понимая, что произошло. Мечтала, чтобы всё стало, как прежде. Но время расставило всё по своим местам. Видя, как тяжело моей маме, я поклялась себе: никогда больше не позволю мужчине втянуть меня в такую жизнь.

Когда мы прибыли в Петербург, нас встретили бабушка и дедушка. Они так обрадовались, будто к ним вернулась молодость. Но счастье было мимолётным. Осенью бабушка заболела, и через три месяца её не стало. Дедушка не смог пережить утрату: замкнулся в себе, угас, и через год мы потеряли и его.

Петербург стал для мамы городом воспоминаний, боли и острого одиночества. Тогда она собрала вещи и сказала, что пора начинать всё заново — в Москве, городе больших возможностей и несбывшихся надежд.

Глава 2 «Случайная встреча.

Мне двадцать шесть, и за спиной университет с дипломом экономиста. Уже несколько лет я живу отдельно от мамы, деля квартиру с бывшей однокурсницей Милой Тихоновой. Наши студенческие годы сблизили нас так, что слово «подруга» кажется недостаточным — мы стали сестрами по духу, понимающими друг друга с полувзгляда.

Сегодня я оставила позади два года работы в обувном магазине. Расставание далось нелегко: коллектив, привычный уклад, добрые лица коллег — всё это стало частью моей жизни. Но время требовало движения вперед. На прошлой неделе я разослала резюме, и главной надеждой был бизнес-центр, специализирующийся на недвижимости. Увы, единственная вакансия — специалист по подбору персонала. Но я не теряю оптимизма. Главное — пробиться внутрь, а дальше, я уверена, шаг за шагом, пойду вверх по карьерной лестнице.

Утро понедельника. За окном — тёплый весенний ветер. Мы с Милой, как всегда, полусонные, пили кофе на кухне. Она спешила на подработку в кафе — болезнь отца заставляла её работать не покладая рук. Иногда я помогаю ей материально: наша дружба достигла той степени близости, когда мы стали как родные.

— Тебе ответили по вакансии? — Мила, быстро завязывая волосы в хвост, вопросительно взглянула на меня, одновременно листая сообщения в телефоне.

— Сейчас открою почту, посмотрю, — я улыбнулась ей, отпив немного горьковатый кофе.

— Чёрт... Они ответили ещё в пятницу! — мой голос сорвался на полувскрик. — Назначили собеседование на сегодня, на одиннадцать утра!

Мила вскинула руки: — Собирайся скорее! Ты ещё успеешь. Главное — не паниковать!

Через пятнадцать минут я уже стояла перед зеркалом, приглаживая волосы и прокручивая в голове возможные вопросы работодателя. Светлая блузка, строгие брюки, аккуратная сумка — всё, кажется, было на месте.

Выйдя на улицу, я вдохнула свежесть, оставшуюся после недавнего дождя. Решила заглянуть в кофейню неподалёку — там, за стойкой, работал мой давний знакомый, Демид Клинцов.

— Пригласили всё-таки на собеседование? — он встретил меня привычной полуулыбкой. — А то я уж было подумал позвать тебя к нам — официанткой.

— Очень смешно, — буркнула я, недовольно прищурившись. — Лучше сделай латте. А то я без кофе на собеседование усну.

— За поцелуй в щёку — хоть два латте, — подмигнул он. Я рассмеялась, переведя всё в шутку. Мы знали друг друга

давно, и я чувствовала — ему я небезразлична. Но ответить тем же я не могла. По натуре я карьеристка, мои цели, планы и мечты всегда были на первом месте. А Демид... он другой. После строительного техникума он так и остался работать в кофейне, не стремясь к новым горизонтам, довольный тем, что имеет. Человек он замечательный: надёжный, весёлый, с открытой душой. Просто наши миры слишком разные.

После короткого, наполненного смехом разговора я попрощалась и вышла на улицу. Солнце пробивалось сквозь облака, лужи тихо блестели на асфальте. Решила идти пешком — бизнес-центр был всего в двадцати минутах ходьбы.

Но, как назло, прямо у обочины пронеслась машина, окатив меня с головы до ног волной грязной воды.

— Козёл! — вырвалось у меня почти машинально. — Ну вот, как теперь идти? До дома не успею вернуться, чтобы переодеться...

Я раздражённо вытирала капли с брюк и не сразу заметила, что машина остановилась чуть дальше.

— Девушка! Простите, пожалуйста! — раздался мужской голос.

Я подняла глаза и... замерла.

Передо мной стоял мужчина, будто сошедший с обложки журнала: высокий, широкоплечий, с идеальными чертами лица и удивительно голубыми глазами, в которых можно было утонуть.

— Девушка! — повторил он, чуть улыбнувшись. Грубый,

но приятный тембр его голоса звучал как-то мягко, почти ласково.

— А... да, — я спохватилась. — Меня зовут Лив.

— Позвольте, я вам помогу, — предложил он.

— Нет, спасибо! — я мгновенно пришла в себя. — И вообще, кто вас ездить учил? Ямы объезжать надо!

Он виновато развёл руками: — Извините ещё раз. Из-за лужи не видел дорогу, честное слово. Давайте я вам помогу.

— Себе помогите, — резко бросила я. — Я и так опаздываю, не до разговоров!

Я развернулась и почти бегом направилась вперёд, стараясь не думать о мокрых брюках и бешено колотившемся сердце. Он что-то крикнул мне вслед, но я уже не слушала. Всё вокруг словно растворилось — оставалось только моё волнение и один образ: этот мужчина, его глаза, его голос.

Дойдя до бизнес-центра, я неловко вошла внутрь. Высокие стеклянные стены блестели на солнце, в холле пахло кофе и бумагой. Сотрудники, проходившие мимо, казались уверенными, сосредоточенными, будто жили в совершенно другом мире — мире, где моё мокрое состояние выглядело особенно чуждо.

На мне тут же остановились несколько взглядов — холодных, оценивающих. «Как стыдно... В таком виде пришла. Нужно было всё-таки вернуться домой и перенести встречу», — подумала я и попыталась выпрямиться, хотя чувствовала себя ужасно неловко.

Мы ждали своей очереди. Перед дверью с табличкой «Отдел кадров» сидело ещё несколько человек: кто-то прокручивал резюме на телефоне, кто-то явно репетировал ответы. А я мысленно возвращалась к тому утру. К машине, к этому мужчине, к его глазам. Не могла выбросить его из головы — обида и необъяснимая радость переплетались во мне. Может, это судьба?

— Лив Ларсон! — услышала я голос девушки, выглянувшей из кабинета.

Я вздохнула, встала и шагнула внутрь.

За массивным столом сидел мужчина лет сорока, в строгом костюме, с холодным взглядом поверх очков. — Здравствуйте. Меня зовут Вячеслав Георгиевич, я буду рассматривать вашу кандидатуру, — произнёс он чётко, без улыбки. — Я так понимаю, вы Лив Ларсон?

— Да, всё верно, — сдержанно ответила я.

Он окинул меня взглядом с головы до ног и нахмурился. — Почему вы в таком виде? В объявлении о вакансии было чётко указано — явка строго в деловом.

Я сглотнула. — Прошу прощения. Меня по дороге случайно окатила водой машина. Я бы, конечно, перенесла встречу, но подумала, что ответственность — это тоже важная черта.

— Да, — произнёс он сухо. — Коммуникабельность и пунктуальность действительно важны. Только старайтесь, чтобы таких ситуаций больше не было.

«Как будто это от меня зависит...» — пронеслось у меня в голове, но я лишь натянуто улыбнулась.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь шелестом бумаг. Он листал мои документы, хмурясь, что-то помечая в блокноте. И тут — стук в дверь.

— Слава! — раздался резкий голос. — Что у тебя за бардак в документации? Если ещё раз увижу подобное, пойдёшь вон к чёрту!..

Я обернулась — и замерла.

Боже.

Это был он. Тот самый мужчина из машины.

Он остановился, заметил меня — и на его лице появилась знакомая, почти озорная улыбка. — Снова здравствуйте... Лив, если не ошибаюсь? — сказал он уверенно, глядя прямо в глаза. — Вы меня так и не дослушали тогда. Меня зовут Андрей.

Я сидела, не веря своим глазам. Всё происходило слишком быстро.

— Что происходит? — строго произнёс Вячеслав Георгиевич.

Я вздохнула, приходя в себя: — А это... собственно, тот самый мужчина, который меня водой окатил.

— Ещё раз извините, — спокойно сказал Андрей и прошёл внутрь.

Вячеслав поднялся. — Это, собственно, Андрей Громов, основатель компании и наш главный руководитель, — про-

изнёс он уже другим, подчёркнуто уважительным тоном.

Я заметила, как резко изменилась его интонация — из строгого начальника он вдруг превратился в услужливого подчинённого.

Андрей между тем пролистал мои документы, бросил короткий взгляд и твёрдо сказал: — Вы нам подходите. Можете приступить к работе завтра.

— Но... у нас уже есть более сильная кандидатура! Может, не будет спешить... — начал возражать Вячеслав, но Андрей оборвал его холодным тоном: — Были бы лучше — не рассматривали бы другую. Я сказал своё слово.

Повисла тишина.

Вячеслав натянуто улыбнулся: — Завтра в девять утра. Испытательный срок — три месяца. Не опаздывайте.

Он быстро вышел из кабинета, оставив меня с Андреем.

Я чувствовала себя потерянной. Не ожидала, что всё так обернётся — и, если честно, немного раздражалась. «Что ему нужно? Почему он так резко решил всё за всех?»

Но Андрей словно ничего необычного не замечал. Он подошёл ближе, облокотился на стол, улыбнулся уголками губ. — Без формальностей, ладно? Можно просто на ты.

— Как же рабочая субординация... — начала я, но он мягко перебил: — Всё нормально. Давай лучше так: я оплачу тебе химчистку и угощу кофе. Всё-таки... я немного виноват в вашем утреннем приключении.

— А давайте, — неожиданно для самой себя ответила я,

улыбнувшись. А внутри громко кричала мысль: «ЗАЧЕМ я это сказала?!»

Он явно не ожидал такой реакции и рассмеялся. — Договорились. Завтра жду вас. И напишите мне номер телефона — я переведу деньги.

— Можете взять мой номер в отделе кадров, — коротко ответила я и направилась к выходу.

Уже на улице я выдохнула и почувствовала, как сердце бьётся сильнее обычного. Меня взяли на работу. Всё прошло успешно.

Но что-то в этом Андрее не давало покоя. Почему именно я? Просто загладить вину? Или... что-то другое?

Я возвращалась домой, ловя себя на улыбке. Не хотела признавать, но этот человек определённо произвёл впечатление.

Когда я пришла домой, в квартире было тихо. Мила ещё не вернулась с работы. Я поставила сумку на стул, сняла туфли и, немного раздумав, решила позвонить ей.

Долгие гудки, и наконец я услышала её голос: — Алло, Лив? Я скоро буду дома, просто заехала к отцу. Не могу говорить — помогаю ему и оплачиваю счета. Надеюсь, тебя приняли на работу. До встречи.

Связь оборвалась.

Меня немного насторожил её голос: обычно бодрый, лёгкий, с улыбкой даже сквозь телефон — сегодня он звучал глухо, устало.

Когда Мила всё-таки пришла, я сразу заметила, что с ней что-то не так: глаза красные, плечи опущены, взгляд потухший — чужой.

Я подошла к ней, стараясь говорить спокойно: — Что случилось?

Она вздохнула, бросила сумку в угол и тихо сказала: — Хозяйка квартиры подняла аренду.

— Ну, это неприятно, но не катастрофа. Разберёмся, — ответила я, стараясь приободрить её, легко обняв за плечи.

— Меня уволили, — добавила она через паузу.

Я замерла. — Что? Почему? Что случилось?

Губы её дрогнули, голос зазвучал тонко, едва слышно:

— Моя напарница, знаешь, стащила часть выручки, не пробивая чеки. Когда всё вскрылось, она свалила вину на меня. Я даже не сразу въехала, что происходит — просто сказали: “Говори спасибо, что не подали заявление, мол, ты молодая, ничего не смыслишь”. Меня выпроводили без копейки расчёта.

Она говорила ровно, но в этих словах таилась такая бездна боли и обиды, что мне пришлось задержать дыхание, чтобы не расплакаться вместе с ней.

— А отец как? — осторожно коснулась я чувствительной темы.

— Плохо. Последние деньги ушли на лекарства и счета, — прошептала она, опуская взгляд.

— Всё наладится, — твёрдо произнесла я, стараясь вло-

жить всю веру в эти слова. — Мы справимся.

Хоть внутри и разливалась тревогой, я и сама не знала, где искать силы, но ей нужно было почувствовать, что она не одна.

— А как твоё собеседование? — Мила, вытерев слёзы, вернулась к разговору.

— Меня взяли. Завтра выхожу, — ответила я тихо.

— Поздравляю, — улыбнулась она, но улыбка получилась вымученной, печальной. — Всё равно так радостно слышать хоть что-то хорошее...

Она легко коснулась моего плеча и пошла на кухню за водой. Я решила умолчать о встрече с Андреем. Мила порой бывала чрезмерно впечатлительной, и я знала, как легко её ранить, даже случайной. Лучше промолчать.

Вдруг — настойчивый стук в дверь. Я недоуменно переглянулась с Милой. На пороге стоял Демид. В его глазах была тревога, и он казался совершенно растерянным.

— Что произошло? — спросила я.

— Мила написала, сказала, чтобы я пришёл, — ответил он, словно выпалил, не успев поздороваться.

— Проходи, она там, в комнате.

Он кивнул и направился к двери. Я мельком увидела, как Мила застыла, сдерживая слёзы, и сердце моё сжалось. Обычно она позволяла себе раскисать только при мне — мы ведь были как сёстры. Но, видимо, именно ему нужно было выговориться. Я решила не вмешиваться.

Прошёл, казалось, час. За дверью то затихали, то вновь слышались голоса. Когда Демид вышел, лицо его было исполнено печали, но в нём появилась и некоторая умиротворённость. Он коротко попрощался и ушёл.

Мы с Милой поужинали почти в тишине. Обычный вечерний свет, тихий шум улицы, аромат горячего чая — всё это вдруг казалось далёким, призрачным. Словно весь этот день выжал из нас последние соки. Я легла в кровать и долго смотрела в потолок. Где-то глубоко внутри, под покровом усталости, теплился едва заметный огонёк надежды: завтра начнётся новая глава. Но какой она будет, я даже представить не могла.

Глава 3 «Между кофе и тишиной»

Утро началось с тягостного предчувствия. Мила держалась отстраненно, словно затаила обиду или просто не желала меня видеть. Я не стала давить, понимая, что иногда молчание красноречивее слов. Тихо собрала вещи, сварила себе кофе — горький, как и мое настроение — и, перед уходом, оставила на столе записку — робкую попытку достучаться: «Я не знаю, чем могла тебя задеть, но знай, что я рядом».

У самой двери подъезда я замерла. Возле обочины, словно мираж, стояла машина Андрея. Сам он, облокотившись о капот, держал в руках два стакана дымящегося кофе.

— Доброе утро, — улыбка его была скорее невесомым касанием, чем явным приветствием.

— Боюсь спросить, где ты нашёл кофе в половине девятого утра? — вырвалось у меня, хотя внутри что-то болезненно сжалось.

— У меня дома кофеварка, — спокойно ответил он. — Так что можно сказать, сделал сам, с частичкой любви.

Я старалась не смотреть ему в глаза — в них, казалось, можно было утонуть, и эта глубина вызывала странную, почти физическую тревогу.

— Зачем? — спросила я, отступая на шаг. — Зачем ты всё это делаешь?

Он пожал плечами, словно это была простая формальность.

— Ты интересная. В первый день так в упор мне ответить — редкость. Хочу просто познакомиться поближе.

— Я в этом не нуждаюсь, — твёрдо произнесла я, усилием воли заставляя себя идти вперёд, не оборачиваясь.

— Может, ты не свободна? — догнал он вопросом, эхом отразившимся от стен домов. — Тогда хотя бы подвезти тебя?

— Нет, я не в отношениях, — сухо ответила я. — Но и подвозить не нужно. Сама дойду.

Он ничего не ответил, лишь кивнул, словно смирившись, и плавно тронулся с места, исчезнув за углом. Вздох облегчения вырвался сам собой, но продлился лишь до того момента, как телефон в моей руке тихо завибрировал. На экране — уведомление из банка: «Поступление: 30 000 рублей. Назначение: на химчистку и хорошее настроение.»

— Тридцать тысяч? Он что, с ума сошёл? — прошептала я, ошеломлённо замирая посреди тротуара. Хорошее настроение... конечно.

Войдя в бизнес-центр, я ощутила острую необходимость разобраться во всём немедленно. Прямо к его кабинету. Не раздумывая, я распахнула дверь, не дождавшись ответа на стук.

— Вы что, думаете, меня можно купить? — слова вырвались резко, не поддаваясь контролю.

Андрей, говоривший по телефону, на секунду замер, услышав мой голос. Затем спокойно: — Тихо, тихо. Подождите минутку. — Он отключил звонок, закрыл ноутбук и обернулся.

— Извини, что ворвалась, — смягчила я тон. — Просто... это неправильно.

— Я не хотел тебя купить, — мягко произнёс он, уголки губ дрогнули в едва уловимой улыбке. — Хотел сделать приятное.

— Не нужно, — твёрдо сказала я и, не колеблясь, перевела деньги обратно. На экране телефона появилось: «Перевод успешно выполнен».

Он хмыкнул, наблюдая за мной с лёгким, почти незаметным восхищением.

— Вы даже нашли мой номер? Взяли в отделе кадров?

Я едва не вскипела: — Да. Взяла. Но не там, где вы думаете! — бросила я и пулей выскочила за дверь.

В коридоре от гнева хотелось топнуть ногой. Такой наглый, самоуверенный тип! Думает, деньги решают всё? Нет уж. Я совсем другая.

Войдя в кабинет, я увидела, что коллеги уже заняли свои места. Приветствия были короткими, без излишнего энтузиазма, но и без холода. Наверное, присматриваются. Мне показали стол — аккуратный, но заваленный папками. Становилось ясно: дел накопилось предостаточно. Пока я разбирала документы, мелькнула мысль: похоже, пока меня не бы-

ло, здесь толком никто не работал. Я глубоко вдохнула, надела на лицо деловую маску и принялась за работу, стараясь отогнать мысли о Миле, об Андрее, о своих противоречивых чувствах. Сегодня должен был начаться новый этап. Пусть хотя бы на пару часов всё будет просто: работа, я и порядок в этих бумагах.

Погрузившись в дела, я краем уха уловила разговор в коридоре — мужские голоса, приглушённые, но до боли знакомые. Андрей и Вячеслав стояли неподалёку.

— Я уезжаю в командировку на пару месяцев, — сказал Андрей. — Возможно, даже задержусь.

Я замерла, слушая. Не ожидала, что эта новость меня тронет, но внутри всё перемешалось: лёгкая грусть от того, что больше не увижу его какое-то время, и в то же время — огромное облегчение. Несколько недель без неловкости и эмоциональных встрясок. «Пусть будет так, — подумала я. — Может, станет проще дышать».

Рабочий день пролетел незаметно. Команда оказалась под стать — сдержанные, но не злые люди. К вечеру все разошлись, а я осталась, разбирая папки и вникая в детали. Когда я, наконец, выключила ноутбук, в офисе царила тишина. Андрей, как выяснилось из разговоров коллег, уехал ещё днём. Странно — даже его отсутствие ощущалось в воздухе.

Путь домой оказался на удивление лёгким и спокойным. Шум улицы, редкие прохожие, запах мокрого асфальта после короткого дождя... Хотелось просто вернуться и немно-

го отдохнуть. Но едва я вошла в квартиру, что-то внутри похолодело. В прихожей было пусто, вещи Милы исчезли. Ни куртки, ни её любимой сумки. Я набрала её номер — гудки, потом короткие «броски», словно она намеренно меня избегала. Через несколько минут пришло сообщение: «Не звони мне. В этом нет смысла.»

Меня охватил леденящий страх. Я немедленно позвонила Демиду.

— Ты случайно не знаешь, где Мила? — спросила я, едва он ответил.

— Нет, — растерянно ответил он. — Что случилось?

— Пропала. Вещей нет, телефон сбрасывает.

— Не переживай, — сказал он после короткой паузы. — Я сейчас приеду.

Он приехал минут через сорок. Я открыла дверь, уже не в силах вымолвить ни одного спокойного слова.

— Зачем ты её ищешь? Может, она просто не хочет общаться? — осторожно спросил он.

— Ты сможешь мне или нет? — резко ответила я. — Если бы не хотела общаться, сказала бы. Это не похоже на неё.

— Конечно, помогу, Лив. Только не нервничай. — В его голосе звучало больше заботы, чем уверенности.

Мы вызвали такси и поехали к дому её отца — единственному месту, где она могла быть. У подъезда я попросила Демида позвонить ей, не упоминая, что я рядом. Через минуту

дверь распахнулась, и Мила вышла. Увидев меня, нахмурилась.

— Что? — бросила она холодно.

— Ты серьёзно говоришь со мной таким тоном? Что случилось, Мила? — спросила я, чувствуя, как дрожит голос.

— Мне всё надоело. — Она смотрела прямо, не моргая. — Я не желаю больше общаться с тобой. И не смогу жить под одной крышей.

— Почему? Что я сделала? Чем обидела? — у меня пересохло в горле.

— Я просто хочу, чтобы тебя больше не было в моей жизни. Никогда. — Она развернулась и ушла в дом к отцу, хлопнув дверью.

Я осталась стоять, не в силах пошевелиться. Это было как удар: будто земля под ногами ушла. Из близких людей у меня остались только мама и Мила — и теперь одна из них вычеркнула меня из своей жизни.

— Пойдём, — тихо сказал Демид.

— Иди сам. Сегодня я поеду к маме. — прошептала я.

Он кивнул и ушёл. Я стояла, глядя, как он удаляется вдаль, потом вызвала такси. Около часа дороги — и вот я уже на пороге дома. Мама открыла дверь почти сразу: в халате, с чуть встревоженным лицом.

— Что случилось, милая? — спросила она, крепко обнимая меня.

Её тепло словно растворило во мне остатки напряжения.

Я коротко рассказала всё — про Милу, про её исчезновение, про этот неожиданный холод. Мама вздохнула, погладила меня по волосам.

— Может, это и к лучшему, — сказала она мягко. — Остайся сегодня у меня, отдохни.

Она постелила мне бельё в зале, принесла тёплый чай, и впервые за день я почувствовала себя хоть немного в безопасности. После душа я улеглась на диван, и сон накрыл мгновенно, как волна.

Глава 4 «Три месяца тишины»

Три месяца пронесли, словно мимолетный вздох. Москва встретила легкой зимой — воздухом, лишь чуть тронутым холодом, и землей, упрямо отказывающейся принимать снег. Казалось, затянувшаяся осень решила остаться здесь навсегда.

Я шла на работу, предвкушая возвращение Андрея. Тревога шевелилась где-то внутри, предчувствуя неопределенность нашей встречи. Эти месяцы были как испытание: нескончаемая череда забот, изматывающая усталость, мысли, цепко держащиеся за разум. Но я старалась отпустить, научиться жить без ожидания, хотя изредка, словно по привычке, рука сама тянулась к телефону – вдруг напишет Мила. Но нет. Исчезла.

Демид навещал. Нашим встречам сопутствовали долгие разговоры, смех, вечерние прогулки. Он никогда не затрагивал тему Милы, словно интуитивно понимая, что эта рана еще кровоточит. Когда-то я рассказала ему об Андрее, и в его глазах промелькнула тень грусти, которую он быстро скрыл за привычной улыбкой. С тех пор он иногда вставлял двусмысленные шутки про «богатых начальников», словно пытаясь убедить и себя, и меня, что Андрей – не тот, кому стоит доверять.

На работе царило затишье. Я нашла общий язык с большинством коллег. Оля, энергичная, веселая, удивительно открытая, стала моей подругой. Мы жили совсем рядом, и наши пути на работу то и дело пересекались.

— Привет! Сделала нам кофе, — Оля протянула два стаканчика, а я, улыбнувшись, ответила:

— Доброе утро! Кажется, день обещает быть легким.

По дороге до офиса мы болтали о жизни – о несбывшихся мечтах, о планах на отпуск, о кино. С Олей было легко, как с человеком, которому не нужно объяснять, что чувствуешь.

В офисе нас встретил Вячеслав Георгиевич – вечно хмурый, аккуратный, с неизменной папкой в руках.

— Доброе утро, — его голос прозвучал сухо. — Список кандидатов на почте. Как обычно, разберетесь.

— Хорошо, — ответила я. — Отпишусь в обед.

Он кивнул и исчез так же бесшумно, как появился.

Мы с Олей вошли в кабинет. Она продолжала оживленно рассказывать, но я едва слышала ее. Мои мысли витали далеко, среди воспоминаний о взгляде Андрея, о том недосказанном моменте перед его отъездом.

— Лив, ты чего? — заметила она.

— Все нормально, — поспешила заверить я.

— Ты как будто не здесь, — в ее голосе появилась тревога.

— Позже расскажу, ладно? Просто немного устала, — я попыталась улыбнуться, скрывая волнение.

Я быстро проверила список кандидатов и отправила отчет

Вячеславу. Других срочных задач не было – первый завал я разобрала в первые же недели. Теперь оставалась лишь будничная работа. Хорошая зарплата – и почти никаких перегрузок. Но эта тишина порой казалась удушающей.

— Лив, пойдем обедать! — позвала Оля, нарочито весело потряхивая сумкой.

Я уже собралась встать, как дверь кабинета распахнулась. На пороге стоял Андрей.

— Привет, Лив, — его голос был спокоен, почти нежен. На секунду мне показалось, что все вокруг исчезло. Остались только он и тот взгляд, от которого сердце споткнулось.

— Привет, — выдохнула я.

— Украду тебя на обед? В свой кабинет, — он улыбнулся. Оля тут же хихикнула, прикрывая рот ладонью.

— Меня? В кабинет? — переспросила я, будто не расслышала.

— Да, я заказал доставку. Хотел немного поговорить, — ответил он все тем же спокойным тоном.

— Можете «украсть», — Оля игриво подтолкнула меня вперед. — Только завтра она обедает со мной!

Щеки мои пылали. Андрей же выглядел абсолютно уверенным, словно довольный этой маленькой сценой. Я машинально взяла телефон и сумку.

— Потом все расскажешь, — прошептала Оля на ухо, подмигнув.

Мы поднялись на его этаж. Его кабинет был просторным,

залитым светом, с панорамными окнами, откуда открывался вид на город. В воздухе пахло свежесваренным кофе.

Я неловко опустила на стул, он сел рядом.

— Я думал о тебе, — тихо сказал Андрей. — Эти три месяца показались вечностью.

Я растерялась.

— Мне кажется, с такими словами ты торопишься. Я ведь почти тебя не знаю.

— Позволь узнать тебя, — произнес он, вглядываясь мне в глаза.

Я покраснела и уткнулась в тарелку с салатом.

— Хорошо, — неожиданно для самой себя ответила я. Он улыбнулся шире.

— После работы хочу пригласить тебя поужинать. В азиатский ресторан, недалеко отсюда.

— Если не устану на работе, — проговорила я, — и если успею переодеться.

— Я подожду тебя в машине, — уверенно сказал он.

Я лишь кивнула, хотя внутри все кружилось – от растерянности, любопытства, легкого страха и необъяснимого ожидания. Казалось, начинается новая глава. И я не знала, радоваться этому или бежать, пока еще есть время.

Обед прошел в легкой неловкости. Мы ели молча, каждый погруженный в свои мысли – Андрей в свои, я – в него.

И вдруг из коридора донесся гул. Сначала – приглушенные голоса, потом резко – крик, звук падающего предмета,

суета. Я подняла голову – за дверью уже собиралась толпа.

— Что там? — спросила я тихо, но никто не ответил.

Андрей почти сразу поднялся, его лицо изменилось. Без слов он вышел в коридор и, расталкивая людей, направился к источнику шума. Я попыталась двинуться следом, но плотная стена коллег не пускала. Протискиваясь, я чувствовала, как внутренности сжимаются, будто сердце отступает куда-то в живот. В толпе царила тревожная тишина, прерываемая обрывками фраз:

— ...там женщина... Господи...

Через минуту Андрей появился снова – бледный, с телефоном в руке, кому-то звоня на ходу. Он прошел мимо меня, не глядя, быстрым шагом. Я не выдержала и все-таки проскользнула сквозь толпу.

И застыла.

Возле раковин, неловко раскинув руки, лежала Оля. На шее – след от металлического прута, кожа лица синяя, глаза полуприкрыты, словно она просто задремала. Только жуткая неподвижность говорила о смерти.

Я не сразу поняла, что перестала дышать. Воздуха не хватало, в ушах загудело. Кто-то резко схватил меня за локоть и выдернул из толпы. Андрей.

— Не заходи туда, — сказал он твёрдо. — Ничего не трогай. Полиция уже в пути. Он говорил, набирая кого-то по телефону: — Да. Немедленно поднимитесь к офисным туалетам. И закройте этаж.

Я стояла, не в силах произнести ни слова. Мир словно раскололся – еще минуту назад все было нормально: кофе, разговоры, смех. А теперь... Андрей отвел меня в свой кабинет. Поставил графин с водой, коснулся плеча.

— Сиди здесь. Не выходи, пока я не скажу. Он ушел, закрыв за собой дверь.

Я осталась одна. Секунду царил абсолютная тишина – лишь гул кондиционера и стук крови в висках. Я закрыла лицо ладонями, и слезы сами покатались по щекам. Тело дрожало от ужаса. Все казалось нереальным – будто сон, чужой, страшный.

Минут через двадцать в коридоре послышались тяжелые шаги и приглушенные голоса. Из лифта двигались люди в форме – полиция и следственная группа. Они проходили мимо моего кабинета, и я слышала обрывки разговоров:

— ...труп в туалетной зоне...

— Свидетелей отвести...

— Закройте периметр.

Через несколько минут дверь кабинета распахнулась. На пороге возник мужчина в длинном темно-сером пальто, под которым мелькнул жилет и кобура. Он был высок, плечист, с выразительными темными глазами и холодным, но цепким взглядом.

— Лив Ларсон? — прозвучало скорее утверждение, чем вопрос. Я кивнула, не сразу обретая дар речи.

— Следователь Воронцов Владимир Михайлович, —

представился он, слегка приглушенным голосом. — Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Он говорил спокойно, но в тонком разрезе его глаз читалось напряжение – профессиональное, собранное. При этом в его взгляде мелькнуло нечто человеческое, едва уловимое.

— Вы видели погибшую раньше?

— Да... Это моя коллега, Оля. Мы работали вместе, — ответила я, стараясь говорить четко, хотя горло жгло.

— Во сколько вы вышли из кабинета?

— Мы... обедали с Андреем.. Андреем Громовым. Это наш директор. Как только услышали шум, он сразу пошел туда.

Воронцов напряженно кивнул, что-то отметил в блокноте. Рядом мелькнул еще один офицер:

— Товарищ следователь, нашли на месте отпечатки. На дверце кабинки – Громова. Я резко подняла голову.

— Не может быть! — почти крикнула я. — Он был весь день со мной. Он не трогал ни двери, ни...

— Пока это только проверка, — спокойно сказал Воронцов. — Но порядок действий вы понимаете, да? Его доставят для беседы.

— Беседы? Его что, задержат?! — На двадцать четыре часа, до выяснения. Таков протокол.

Я пыталась говорить, объяснить – но он мягко коснулся моего локтя, стараясь успокоить.

— Не волнуйтесь. Все станет ясно, как только проверим

камеры.

Он смотрел на меня иначе, чем просто на свидетеля. Глаза вроде бы деловые, но в них мелькала подлинная искра — интерес, настоящее сочувствие.

— Вы не против, если я задам еще пару вопросов?

— Нет, конечно.

Он сел напротив, записывая ответы аккуратно, быстро. Между строк будто создавалось невидимое поле тишины, где мое дыхание и его шаги звучали громче, чем разговор за дверью.

— Вы давно знаете Громова? — спросил он, не глядя в блокнот.

— Три месяца. Работали вместе, ничего странного не замечала.

— С кем погибшая дружила?

— Со мной... — ответила я, и голос дрогнул.

— А враги? — Я не знаю. Она была общительная, но... недавно ей кто-то звонил, по работе, кажется. После этого стала беспокойной.

Он закрыл блокнот и коснулся рукой подбородка, словно отмечает что-то важное.

— Вы не возражаете, если я попрошу вас остаться сегодня в распоряжении следствия? Возможно, придется еще кое-что уточнить.

— Хорошо, — выдохнула я. Он встал, еще раз взглянул на меня.

— Попробуйте не думать об этом хотя бы сегодня. И, пожалуйста, поезжайте домой, когда все закончится. Никому не открывайте, если не знаете, кто это.

И уже уходя, добавил тихо, почти неслышно:

— Все будет хорошо, Лив. Я разберусь.

Его голос прозвучал так, что мне вдруг стало легче дышать. Я посмотрела в окно кабинета: во дворе, за стеклом, вели Андрея к патрульной машине. Он не сопротивлялся, но его глаза, встретившись с моими, говорили: верь мне. Слезы снова навернулись. Мир, в котором недавно были кофе, смех и легкая симпатия, теперь рушился на глазах. Но в этой разрухе появился кто-то новый – человек с внимательными глазами, которому, почему-то, хотелось доверять.

Дорога домой пролетела как миг, растворившись в вечернем полумраке. Город показался непривычно пустым: редкие машины, тускло мерцающие вывески, воздух, пропитанный запахом мокрого асфальта.

Едва я шагнула в квартиру, как тишина обрушилась на меня, оглушая. Скинув пальто, я прошла на кухню и плеснула себе виски – амбровый луч блеснул в полутьме. Первый глоток обожгло горло, горький, терпкий. Стены, казалось, смыкались, вгоняя в тесное пространство, а одиночество стало осязаемым, почти удушающим.

Перед глазами до сих пор стояла Оля – её смех, растрепанные утром волосы, бесконечные разговоры о платьях и фильмах. Теперь это было стерто, будто одним взмахом невиди-

мой руки.

Телефонный звонок, номер незнаком.

— Лив Ларсон? — спокойный, чуть хрипловатый мужской голос.

— Да, — ответила я, как во сне.

— Это следователь Владимир Михайлович Воронцов. С вами хочет связаться мать погибшей Ольги. Можно я передам ей ваш номер?

— Да... конечно, — слова слетали монотонно, взгляд был устремлен сквозь окно, на расплывчатые огни домов.

— А Андрей... как он?

— С ним все хорошо. Уже отпустили, — ответил Воронцов.

Я застыла. Почему он сам не позвонил? Наверное, до сих пор в шоке... Или просто уже не до меня. Все рухнуло, и каждый теперь выживает, как может. Я задумалась, а потом поняла, что на том конце провода повисла тишина.

— Вы как? — наконец спросил Воронцов. — С вами все хорошо? Может, нужна помощь?

Словно пробуждаясь, я услышала его голос — мягкий, осторожный, неожиданно теплый. Эта забота пробилась сквозь броню усталости.

— Нет-нет, со мной все в порядке, — поспешила ответить я, и тут же осенило: — Кстати, я кое-что вспомнила!

— Что именно? — Оля рассказывала о бывшем парне, который какое-то время ее преследовал. Потом он будто исчез, за месяц до... — я запнулась.

– Можно я к вам заеду? Нужно зафиксировать информацию для протокола.

Я взглянула на часы

– почти десять вечера. – Поздно уже... но ладно, приезжайте.

Пока он ехал, я сидела на кухне, бездумно вертя в пальцах бокал, прислушиваясь к отсчету часов. Вдруг телефон завибрировал. Звонила мать Оли.

– Боже, Лив... как так... мою девочку... – ее голос захлебывался рыданиями.

Я не знала, что сказать. Слова казались бессильными, любая фраза – ничтожной. Мы говорили недолго: я обещала помочь с похоронами, с поисками тех, кто виновен. Потом снова повисла тишина.

Стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Я подошла, медленно повернула замок. На пороге стоял Воронцов – растрепанный, будто в спешке добирался. Тень усталости на щеке, но глаза – внимательные, собранные.

– Можно войти? – спросил он.

– Проходите, конечно, – ответила я. Мы сели за стол. Его взгляд упал на недопитый бокал.

– Хотите? – я кивнула на бутылку. Он едва заметно усмехнулся.

– Неловко как-то... все-таки рабочий момент.

– Сегодня был слишком тяжелый день. Иногда просто нужно, чтобы кто-то рядом посидел.

Он задумался, а потом нехотя кивнул:

– Хорошо, но чуть-чуть.

Я налила в два бокала. Под мягким светом лампы янтарная жидкость засверкала, наполняя комнату теплом.

– Так насчет бывшего парня, – сказал он, доставая блокнот.

– Да. Кажется, его звали Дима. Фамилию не знаю, чем занимается – тоже. Все со слов Оли. Она сказала, он из тех, кто не умеет принимать отказ.

Воронцов кивнул, делая короткие пометки.

– Как у них проходили отношения?

– Всего месяц. Говорила, что чувствовала себя рядом с ним, как в клетке. Пытался управлять, давить. Когда она ушла, он какое-то время звонил по ночам, потом пропал.

– Кто-нибудь еще знал об этом?

– Не думаю. Оля не любила делиться личным. Я узнала лишь потому, что однажды застала ее плачущей. Сказала, что все под контролем.

Владимир отложил ручку, посмотрел на меня внимательно. В его взгляде уже не было той официальной строгости – только усталость и какое-то тихое, человеческое участие.

– Запишем его в возможные контакты. На всякий случай, – сказал он мягко. – И, пожалуйста, постарайтесь не оставаться одна на ночь.

– Вы уже второй человек за день, кто мне это говорит, – тихо ответила я. – Наверное, это знак.

Он улыбнулся уголками губ.

– Иногда интуиция надежнее протокола.

Я сделала глоток, чувствуя, как виски обжигает горло. Наступила зыбкая, теплая тишина.

– Вы с Громовым... в отношениях? – спросил он так спокойно, будто между делом, но я сразу почувствовала скрытый интерес. Я опешила.

– Нет, конечно. Почему вы решили?

– Он смотрел на вас не как на коллегу, – сказал он с легкой усмешкой. Я напряглась.

– Это не ваше дело, – резко ответила я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. – И, наверное, вам пора.

На секунду он будто растерялся, потом тихо сказал:

– Простите. Совсем не хотел вас обидеть. Непрофессионально с моей стороны.

Он поднялся. Я проводила его до двери, движения были почти механическими. У самого порога он задержался на мгновение, будто хотел что-то сказать, но промолчал.

– Спасибо за информацию, – сказал он лишь. – И... постарайтесь не пить в одиночестве.

Когда дверь за ним закрылась, я долго стояла, прислушиваясь к бешеному стуку собственного сердца. Этот человек, спокойный, рассудительный, внушал странное чувство – не просто доверие, а будто незримую поддержку, словно кто-то рядом смог бы выдержать мой страх.

Я вернулась в комнату, скользнув взглядом по бокалу и

вазе с упавшим цветком. Мир раскололся на «до» и «после». А в нем теперь, кажется, стало на одного человека больше. Я рухнула на кровать, не раздеваясь, уткнулась лицом в подушку и мгновенно провалилась в сон. В этот раз без снов. Только теплый, ровный голос где-то на грани сознания: «Всё будет хорошо, Лив...».

Глава 5 «На грани между страхом и спасением»

Следующий день после смерти Оли был похож на мучительное, серое наваждение. Я проснулась на рассвете, но тело, скованное невидимыми цепями, отказывалось подчиняться. Голова — будто опустошенный колокол, несущий лишь гул пустоты. Телефон на тумбочке, беззвучно пульсирующий бинарным сердцем, казался насмешкой.

В девять утра — голос Вячеслава Георгиевича, подобный холодному скальпелю:

– Лив, руководство считает, что вам стоит взять пару дней отдыха. Можете не приходить.

Слова, лишённые и тени сочувствия, врезались в мою израненную душу.

– Да, конечно, — прошептала я, чувствуя, как мир вокруг рушится.

От Андрея — ни звука. Ни короткого сообщения, ни вздоха. Экран, тускло отражающий мое отчаяние, становился лишь невыносимее. Его молчание было тяжелее всяких слов.

Наверное, у него свои пропасти, или он просто потерялся в безбрежном океане боли.

К полудню я не выдержала. Телефон — мама, коллеги, даже неизвестный номер — все сливалось в оглушительной тишине. Я отгородилась от мира, утопая в зыбучих песках собственного горя.

Когда в дверь постучали, я не сразу осознала, что это реальность. На пороге — Воронцов. Тот же плащ, но черты изборождены усталостью. В руке — стаканчик кофе, как талисман против всепоглощающей тьмы.

— Вы долго молчали, — его взгляд проникал в самую суть. — Я уже хотел отправить за вами патруль.

Я попыталась выдавить улыбку, но она получилась кривой, как сломанная ветка.

— Зачем вы приехали? — мой голос дрожал.

— Чтобы вы начали дышать, — он увидел мое безмолвное согласие. — Собирайтесь. Поедем туда, где нет запаха отчаяния.

Через полчаса мы сидели в маленьком кафе, где пахло корицей и ванилью, а за окном кружился хрупкий, почти зимний снег. Тишина между нами была не враждебной, а успокаивающей.

— Как вы себя чувствуете? — мягко спросил он.

— Пока не понимаю, — я была честна.

— Это нормально. — Он отпил кофе, на мгновение откинувшись на спинку кресла. — Я приехал не только из-за вас.

Есть новости по делу.

Мои пальцы инстинктивно сжались вокруг горячей кружки.

– Мы не смогли найти человека по имени Дмитрий. Ни в контактах Ольги, ни в сетях.

– Как это? Она же говорила, что он ее преследует.

– Мы проверили сообщения, — его голос стал ровнее. — Псевдонимом “Дима” подписывался ваш знакомый, Демид Клинцов.

Мир рухнул. «Что?.. Демид? Нет! Это невозможно! Он... он не мог». Воронцов смотрел, спокойный, словно ожидая этой бури.

– Мы задержали его сегодня утром. Он оказал сопротивление. В отделении.

Не успела я вымолвить и слова, как он уже оплатил счет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.